

Е. Ю. Усик, канд. филос. наук,

доц. каф. социологии,

Харьковский гуманитарный университет

«Народная украинская академия»

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье раскрыто соотношение понятий «социальная сеть» и «социальный институт», исследованы механизмы возникновения и развития социальных сетей в современном обществе во взаимосвязи с его социальными институтами. Социальная сеть представлена как результат самоорганизации социальной системы, как особая форма социальной организации.

***Ключевые слова:** социальная сеть, сетевая структура, сетевой анализ, социальный институт, социальная организация, социальный капитал.*

Понятие «социальная сеть» активно используется в современной научной литературе. Вместе с тем сам термин «социальная сеть», несмотря на широкое распространение сетевого анализа в западной науке и все возрастающий интерес к нему в России и Украине, до сих пор не получил однозначного толкования. Во многом это объясняется эмпирическим характером сетевых исследований – сетевой метод воспринимают в основном как инструмент для эмпирической обработки и описания данных [1]. Разнообразие научных источников сетевого анализа и методик его применения не способствовало выработке единой методологии. В связи с этим не вполне четко представляются очертания исследуемого объекта (социальной сети), соответственно и сущность, социальная природа сетевых взаимодействий трактуется произвольно в каждом конкретном случае эмпирических исследований.

Применение методик сетевого анализа в рамках конкретных социологических исследований требует, на наш взгляд, уточнения основных понятий и определения их места в категориальном аппарате современной социологии. Выявление социальной природы сетевых структур, их

специфики позволит определить социальные механизмы возникновения и развития социальных сетей в современном обществе во взаимосвязи с другими социальными процессами и явлениями, что существенно расширит объяснительный потенциал сетевого анализа. Особого внимания в этом плане заслуживает анализ соотношения понятий «социальная сеть» и «социальный институт», поскольку обе эти категории используются для характеристики социальных связей.

Концепция социальных сетей сформировалась в западных исследованиях в конце 70-х годов XX века. Огромное влияние на ее развитие оказала динамическая, или революционная, социометрия (Я.Л. Морено, Г. Инфилд и Э. Дженнингс); диагностическая социометрия (Дж. Крисвелл, Г. Лундберг, М. Нортуэй, М. Бонни, Э. Богардус и др.); математическая социометрия (П. Лазарсфельд, С. Додд, Л. Кац, Дж. Стюарт). А. Бейвлас и Х. Левитт изучали влияние различных типов сетевых структур на взаимодействие в группах. Ф. Хейдер, основатель гештальт-психологии, развивал некоторые начальные понятия теории «баланса» и «равновесия» в познавательных ощущениях. Ф. Хейдер и Т. Ньюкомб стимулировали дальнейшее использование математики для осмысления связей в межиндивидуальных сетях.

Пионерами современного сетевого анализа стали антропологи, которые пытались зафиксировать «структуры» традиционных обществ. А.Р. Радклифф-Браун разрабатывал методы анализа родственных связей, при этом выделяя одну главную линию влияния в социальной структуре, структурные образцы ее взаимодействия (или patterns). Известные антропологи Дж.К. Митчелл и Дж.А.Барнес применили специфичную технику для концептуализации сетевых свойств.

Понятийный аппарат и техника сетевого анализ обогатились благодаря новым теоретическим концепциям в социологии и в экономике: теории социального капитала (Дж. Коулмен, П. Бурдьё, Р. Пэтнам),

человеческого капитала (Г. Беккер), теории обмена (Дж. Хоманс). Но наибольшую роль в понимании необходимости дискретизации структур сыграла активистская (деятельностная) парадигма, наиболее известными представителями которой являются П. Штомпка, М. Арчер, А. Гидденс, А. Турен и др. Наравне с другими вопросами в их работах подробно исследуются трансформации структур, нестабильность социальных институтов, их поведение в переходной ситуации. В отличие от активистской парадигмы, посвященной в основном «актору», Ю. Хабермас основное внимание уделяет связям актора, их сущности и роли во включении актора в окружающий мир. Основой всякого взаимодействия он считает коммуникацию, а предтечей всякого действия для него является полученная (или нет) информация.

В настоящее время такие социологи, как Б. Веллман, С. Вассерман, Д. Ноук, Л. Фриман разрабатывают методологию сетевого анализа, проводят прикладные сетевые исследования. Одной из первых фундаментальных попыток теоретического осмысления в сетевых терминах трансформаций в глобальном сообществе и в России, как части этого сообщества, можно назвать работу М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура».

Среди российских социологов следует отметить работы Г.В. Градосельской, А.Н. Чуракова, посвященные изучению сетевых методик; В.М. Алексеева, Е.С. Алексеенковой, Р.Н. Абрамова и др., в которых исследуются проблемы формирования сетевых структур в информационном обществе. Среди украинских социологов можно отметить работы О.Б. Демкива, посвященные теоретическим исследованиям социального капитала как сетевого феномена.

В то же время различные сетевые концепции дополняют, но не уточняют понятие «социальная сеть», не дают четкого представления о том, когда возникают социальные сети, являются ли они исключительно

феноменом информационного общества. Нет однозначного ответа и на вопрос о том, как соотносятся и взаимодействуют социальные сети с социальными институтами современного общества. Таким образом, в данной статье мы хотим показать характер взаимосвязи сетевых структур и социальных институтов современного общества.

Анализ категории «социальная сеть» и производных от нее понятий позволил нам уточнить ее социологическое значение, выявить социальную природу данного феномена. Под социальной сетью мы понимаем особую форму социальной организации, возникающей спонтанно в результате установления как сильных, так и слабых горизонтальных (т.е. не определяемых формальным статусом) связей в процессе неформальных (неинституциональных) взаимодействий между социальными субъектами (актерами) по поводу накопления, распределения и использования специфических сетевых ресурсов – социального капитала [2]. Главную роль в таких взаимодействиях играет доверие, общие ценности и нормы.

Важно отметить, что сетевые структуры отличны от иерархических, при этом они могут взаимодействовать между собой, дополнять друг друга или функционировать как альтернативные формы социальной интеграции, однако их природа, характер связей, причины возникновения и механизмы развития различны.

Согласно исследованиям М. Кастельса, в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение "сетевой" логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Это и сети глобальных финансовых потоков, и политическая сетевая структура управления Европейским союзом, и сети производства и распространения наркотиков, и глобальная сеть новых

средств информации. Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность [3, с. 494].

Далее М. Кастельс утверждает, что сети в информационном обществе *являются институтами*, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации; сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости, сферы культуры, характеризуемой постоянным расчленением и воссоединением различных элементов; сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений; социальной организации, преследующей своей задачей завоевание пространства и уничтожение времени [3, с. 499].

Что же происходит с самими социальными институтами в классическом их понимании: вытесняются, замещаются или сосуществуют параллельно или неразрывно с сетевыми структурами? Наконец, правомерно ли социальную сеть ассоциировать с социальным институтом? Ответы на эти вопросы мы попытались найти в различных трактовках сетевого общества, сетевых отношений. Особое внимание следует уделить терминологии, с помощью которой современные исследователи описывают процессы сетевизации современного общества, сопоставив ее с традиционными социологическими понятиями.

Термин «социальный институт» охватывает разнообразные общественные отношения, социальные связи. В широком смысле под социальным институтом понимают устоявшийся, организованный способ

действия, регулярно воспроизводящийся в повседневной жизнедеятельности людей; образцы и правила поведения [4, с. 215]. В более узком значении этого термина акцент делается на формальной организации, объединяющей людей для совместной реализации общих целей, на специализации функций различных социальных институтов. Так, общепринятым является определение социального института как исторически сложившейся устойчивой формы организации совместной деятельности людей, выполняющей общественно значимые функции и обеспечивающей достижение целей [4, с. 216].

Социальные институты предполагают существование социальных практик, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальных организаций. Под социальным институтом понимают также устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему [4, с. 216].

Основные характерные черты социальных институтов, указанные в этих и других определениях, созвучны характеристике социальных сетей, за исключением формальной организации, в основе которой лежит иерархия социальных ролей и статусов. Можно допустить, таким образом, что сферы распространения и функционирования сетей во многом совпадают с институциональными сферами, и в широком значении понятия социального института сеть может быть и предпосылкой его возникновения, и неотъемлемой частью, и следствием его трансформаций.

Так, одно из направлений сетевого подхода связано с исследованием неформальных структур, которые дополняют формальную структуру социальной организации, института. Поскольку неформальные структуры "встроены" в формальные, формальная система всегда "берется в расчет" и

коррелирует с "неформальной". Неформальные роли могут не восприниматься и не быть описываемыми самими участниками, а лишь обнаруживаться в результате наблюдения. Они не так стабильны, как предписываемые роли. Если последние достаточно "занять", пользуясь существующей институциональной поддержкой, то первые требуется постоянно "выстраивать". При этом связи, как правило, не имеют прочного характера, оказываются мобильными. Взаимодействие между формальными ячейками и наблюдаемыми неформальными кластерами – предмет сетевого анализа. Неформальные группы могут улучшать оборот информации в организации, действовать независимо и могут блокировать ее цели. При этом предполагается, что в социальных отношениях все доступно договоренностям [5, с. 45].

Другой подход предлагает Е.С. Алексеенкова. Взяв за основу предположение, что социальные сети возникают в том или ином виде на любой стадии развития общества, она рассматривает три типа взаимодействия социальных сетей (как формы горизонтальной интеграции) и государственных институтов. Первый тип характеризует формирование сетевых структур в период, *предшествующий* образованию ранних государств. Второй тип связан с распадом институционального дизайна и прежних социальных структур общества в периоды относительно быстрых социально-политических трансформаций, ведущих к стихийному формированию различного типа социальных сетей или актуализации сетей уже существующих (возможно, в новом качестве), по которым начинают транслироваться выработанные в ходе внутрисетевого взаимодействия неформальные практики, *замещающие разрушенные институты*. Третий тип – это *параллельное существование* государственного институционального дизайна и сетевых структур, например, организованная преступность, коррупционные и устойчивые лоббистские сети, сети влияния и доверия,

начиная с сетей повседневности, этнических и религиозных сетей и заканчивая сетями в сфере бизнеса и власти [6, с. 92].

Опираясь на предложенную типологию, можно обозначить и соответствующие направления сетевых исследований. Так некоторые авторы рассматривают сетевые структуры как *предпосылку возникновения социального института*. Е.В. Реутов, например, анализирует институционализацию коллективных стремлений и действий на макросоциальном уровне как этап, следующий за формированием социальных сетей на микросоциальном уровне, а дефицит макрогрупповой интеграции, как следствие недостаточной солидарности на микросоциальном уровне. Однако основная проблема функционирования формальных социальных институтов, по мнению Е.В. Реутова состоит в том, что значительный объем повседневных практик, связей и отношений не поддается регламентации с их стороны. Социальные сети, с одной стороны, являются вынужденным, компенсационным механизмом, формирующимся в условиях неэффективности государства и других социальных институтов. С другой – представляют собой универсальный социальный механизм, осуществляющий свои функции в условиях состояния относительной социальной и групповой солидарности и *дополняющий* в этом качестве иные социальные институты. Эффективность социальных сетей представляет собой, таким образом, их способность регулировать поведение индивида и наращивать объем его человеческого и социального капитала. Частным выражением эффективности социальных сетей является их способность *компенсировать* неэффективность формальных, прежде всего, государственных институтов [7, с. 80].

Анализируя процессы, происходящие в современном обществе, многие исследователи делают акцент на замещении регулятивной функции институтов сетевой регуляцией. В переходных социальных структурах, где институциональные формы обмена и доверия разрушены либо не

сформировались, отмечает Г.В. Градосельская, обращение социального капитала осуществляется в обход нормативных систем, а иногда вопреки им, порождая «теневые» формы солидарностей. Таким образом, социальные сети компенсируют нормативный вакуум и способствуют формированию стабилизационных регуляторов в социальных системах [8, с. 3].

Эти проблемы обусловлены трансформацией социальных институтов современных обществ в систему коммуникативных взаимодействий, границы которых конституируются не внешними ограничениями, а внутренними функциональными связями. В стабильных (традиционных) социальных структурах сетевые взаимодействия совпадают по своему объему (совокупности акторов) с институциональными границами, а в «размытых солидарностях» институциональная организация сообществ не консистентна их коммуникативной организации. Данный процесс обуславливает *позиционный конфликт между институтами и сетями*. При этом количество сетей, в которые включен актор, определяется напряженностью позиционного конфликта между институтом и сетью или (при исследовании цитатных коммуникаций) неконсистентностью «кругов чтения» и цитатной речи требованиям дисциплинарного канона [8, с. 5].

Ряд авторов видят в социальных сетях новые условия для функционирования социальных институтов, анализируя процесс становления глобального сетевого уклада в условиях смены индустриальной парадигмы на постиндустриальную. Рассматривая сетевой способ координации связей как функциональный синтез иерархического и рыночного порядков, Н.В. Смородинская показывает, что он рассчитан на изменившиеся параметры среды коммуникаций (резко повышенный уровень динамизма, неопределенности, взаимозависимости) и одновременно – на режим непрерывных обновлений, характерный для инновационной модели роста. Она связывает природу глобального кризиса с изменением организационного кода мировой экономики – ее переходом от ригидных вертикальных

конструкций к трансформативным кластерно-сетевым структурам на всех уровнях социальных взаимодействий (социализация национальных систем управления, кризис евроцентризма и зарождение макрорегиональной модели евроинтеграции, кризис централизованных банковских иерархий, зарождение модели глобальной сетевой компании др.) [9, с. 17]. Следует обратить внимание и на терминологию, используемую сторонниками такого подхода: «сетевая кооперация ведущих институциональных секторов», «сетевая интеграция», «межорганизационная кооперация», «организационная матрица современных кластеров». Другими словами, социальная сеть выполняет функцию социальной интеграции, как на уровне индивидуальных акторов, так и на уровне коллективов, организаций, социальных институтов.

Таким образом, социальные сети в современном обществе «пронизывают» все институциональные сферы, все уровни социальных отношений, «встраиваясь» в существующие формальные структуры, изменяя сами социальные институты и условия их функционирования. При этом характеристики социальных сетей как социальной структуры, их функции во многом сходны с социальными институтами. Однако ни отождествлять, ни противопоставлять социальные институты и сети, как нам видится, не правомерно, поскольку в данных категориях выражены различные социальные механизмы – социальной организации и самоорганизации, которые взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга.

Список литературы:

1. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: учебное пособие [Электронный ресурс] / Г. В. Градосельская. – М. : Новый учебник, 2004. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru> – Загл. с экрана.

2. Усик Е.Ю. Социальная сеть как социологическая категория и социальный феномен / Е.Ю. Усик // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства / М-во освіти і науки України, Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. - Х., 2011. - С. 75-81.

3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. - М., 1999. - С. 494-505.

4. Тезаурус социологии : тематич. слов.-справ. / под. ред. Ж.Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 487 с.
5. Назарчук А В. О сетевых исследованиях в социальных науках / А. В. Назарчук // Социол. исслед. – 2011. – № 1. – С. 39-51.
6. Алексеенкова Е.С. Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей / Е.С. Алексеенкова // Полис. - 2007. - № 3. - С. 92-114.
7. Реутов Е. В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, Л. В. Колпина, И. В. Бояринова // Социол. исслед. – 2011. – № 1. – С. 79-88.
8. Градосельская Г. В. Анализ социальных сетей : Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Г. В. Градосельская; Институт социологии Российской академии наук. – М, 2001. – 21 с.
9. Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и переход экономических систем к сетевому укладу [Электронный ресурс] / Наталия Вадимовна Смородинская // Сети в глобальном мире: структурные трансформации в Европе, США и России : прогр. и материалы междунар. науч. конф., Санкт- Петербург, 22-24 июня 2012 г. – Режим доступа : <http://www.ngw.spbu.ru> – Загл. с экрана.

O. U. Usik, PhD, Associate Professor, Sociology Chair, Kharkov Humanitarian University «People Ukrainian Academy» (e-mail: lenus73@ukr.net)

SOCIAL INSTITUTES IN NETWORK SOCIETY

In the article correlation of concepts «social network» and «social institute» is exposed. The mechanisms of social networks development in modern society in intercommunication with his social institutes are explored. A social network is represented as a result of society frame self-organizing, as the special form of social organization.

Keywords: social network, network structure, network analysis, social institute, social organization, social capital.